

ВНЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ № 266.

ДѢТСТВО
АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВИЧА
ПУШКИНА.

(БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

ЦѢНА 15 КОП.

МОСКВА.

Типо-литографія Общества распространения полезныхъ книгъ.

1880.

ДѢТСТВО
АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВИЧА
ПУШКИНА.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

МОСКВА.

Типо-литографія Общества распространенія полезныхъ книгъ.
Моховая, д. Торлецкой.

1880.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

Дозволено цензурою. Москва, 22 Мая 1880 года.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ГАРТУНГЪ,

УРОЖДЕННОЙ

ПУШКИНОЙ,

посвящаетъ этотъ очеркъ, какъ посильную дань
великаго почитанія талантовъ и заслугъ

ЕЯ НЕЗАБВЕННАГО ОТЦА

и въ знакъ долготѣтней искренней дружбы къ ней лично,

Предѣдательница Общества Распро-
страненія Полезныхъ Книгъ,

Александра Стрекалова.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ былъ потомокъ древняго дворянскаго рода, не разъ упоминаемаго въ исторіи русскаго царства. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ одинъ изъ его предковъ, бояринъ Григорій Пушкинъ, имѣлъ титулъ Нижегородскаго Намѣстника и занималъ важную должность посла въ Польшѣ; а со стороны матери происхожденіе Пушкина, если не отличалось знатностью, то было замѣчательно по необыкновенной судьбѣ предка его Ганнибала, прославленнаго потомъ Александромъ Сергѣевичемъ, подъ именемъ *Арана Петра Великаго*. Ганнибалъ еще въ дѣтствѣ былъ взятъ въ плѣнъ, проданъ или подаренъ Великому Императору, который пожелалъ быть его крестнымъ отцомъ, и вмѣсто имени Ибрагимъ далъ ему имя Абрамъ. И вотъ, маленькій арабченокъ; подъ именемъ Абрама Петровича Ганнибала, вступилъ въ ряды той моло-

дѣжи, воспитаніемъ которой особенно занимался Императоръ Петръ и за которой слѣдилъ съ отеческою любовію.

Ганнибаль долго жилъ въ Парижѣ, при дворѣ Регента, герцога Филиппа Орлеанскаго, управлявшаго Франціей за малолѣтствомъ Короля Людовика XV. Ганнибаль участвовалъ въ войнѣ Франціи съ Испаніей и отличался храбростію, за которую получилъ очень лестный отзывъ отъ Регента. Эта аттестація и успѣхи въ наукахъ молодаго африканца радовали Петра Великаго, его благодѣтеля и покровителя, такъ что, вызвавъ его въ Россію, государь принялъ его чрезвычайно привѣтливо, постоянно оказывалъ особенное благоволеніе, и женилъ на русской боярынь, чтобы доставить ему родство, связи и опору между русскимъ дворянствомъ. Враги Александра Сергѣевича Пушкина упрекали его, что онъ напрасно тщеславится своимъ происхожденіемъ отъ бояръ Пушкиныхъ, забывая, что со стороны матери происходитъ отъ плѣннаго Арапа, купленнаго корабельнымъ шкиперомъ, и Пушкинъ не замедлилъ бросить своимъ противникамъ гордый отвѣтъ:

Сей Шкиперъ былъ тотъ Шкиперъ славны
Кѣмъ наша двинулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ роднаго корабля.

* *
*

Сей шкиперъ дѣду былъ доступенъ
И сходно купленный Арапъ
Возросъ усерденъ, неподкупенъ,
Царя — наперстникъ, а не рабъ,
И былъ отецъ онъ Ганнибала,
Предъ кѣмъ, средь гибельныхъ пучинъ,
Громада кораблей вспылала
И палъ впервые Наваринъ!

Послѣднія строки относятся къ сыну Абрама Петровича Ганнибала, Генераль-Поручику, Ивану Абрамовичу, который покрылъ себя славою при первомъ Наваринскомъ сраженіи; онъ знаменитъ какъ основатель города Херсона, гдѣ и воздвигнуть ему памятникъ.

Въ 1799 году, 26 мая въ Москвѣ, въ Елоховѣ, въ день Вознесенія Господня, родился знаменитый поэтъ нашъ, Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, которому недолго суждено было оставаться въ неизвѣстности. Едва вышедши изъ дѣтства, или по его выраженію: «*Чуть изъ младенческихъ одеждъ*, онъ сталъ

уже на ряду съ лучшими поэтами. Онъ удивилъ самого Державина, который высоко цѣня свои собственныя произведенія, былъ такъ строгъ къ произведеніямъ другихъ, что рѣдкія изъ нихъ считалъ достойными своего вниманія. Пушкинъ имѣлъ полное право говорить о своей Музѣ:

Ты, дѣтскую качая колыбель,
Мой юный умъ напѣвами плѣнила,
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила!

Указывая на раннее расцвѣтаніе своего юнаго таланта онъ одинъ могъ сказать о любви къ нему его Музы:

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиструнную цѣвницу мнѣ вручила.

При переходѣ изъ отрочества къ юности поэтъ опять вспоминаетъ тотъ возрастъ, въ которомъ оцѣнило его вдохновеніе:

На слабомъ утрѣ дней златыхъ
Пѣвца ты оцѣнила,
Вѣнкомъ изъ миртовъ молодыхъ
Чело его покрыла,
И горнимъ свѣтомъ озарись,
Влетала въ скромну келью,

И чуть дышала, преклонясь
Надъ дѣтской колыбелью.

Судя по всѣмъ этимъ отрывкамъ можно полагать, что Пушкинъ не помнитъ даже времени, въ самыхъ отдаленныхъ воспоминаніяхъ, когда бы поэтическая фантазія не владѣла его пылкимъ воображеніемъ. Дивный даръ его росъ вмѣстѣ съ нимъ, развивался и укрѣплялся на удивленіе современниковъ и потомства.

Отецъ его, Сергѣй Львовичъ, съ братомъ своимъ, Василемъ Львовичемъ, извѣстнымъ сочинителемъ нѣсколькихъ остроумныхъ стиховъ, были душою московскаго общества, настоящими героями своего времени и ревностными любителями свѣтскихъ удовольствій. Всѣ серьезные интересы жизни были имъ чужды: кружиться постоянно въ блестящемъ водоворотѣ свѣтской жизни, весь свой умъ истощать на остроты, каламбуры и разные *bouts-rimés*, предаваться удовольствіямъ и наслажденіямъ въ обширномъ кругу родныхъ и знакомыхъ— было единственною жизненною задачею обоихъ братьевъ. Понятно, что отечество не очень много потеряло отъ того, что ихъ служебная карьера не была продолжительна. Разсказы-

ваютъ, что Сергѣй Львовичъ, служа въ Лейбъ-Егерскомъ гвардейскомъ полку, явился на разводъ съ офицерскою тростью, не замѣтивъ, что трость обгорѣла, такъ какъ онъ, въ разсѣянности, мѣшалъ ею уголья въ каминѣ. Начальникъ сдѣлалъ ему замѣчаніе, сказавъ: «Ужь вы, г. Поручикъ, лучше бы явились на разводъ съ кочергою.» Разобиженный такой несправедливостью, молодой офицеръ вышелъ въ отставку. И такъ, русское войско лишилось доблестнаго поручика, а русское общество приобрѣло самага дѣятельнаго члена своихъ разнообразныхъ увеселеній. Предаваясь такой разсѣянной жизни, понятно, что Сергѣй Львовичъ убѣгалъ семейства и всѣхъ заботъ съ нимъ сопряженныхъ. Управление домомъ и воспитаніе дѣтей предоставилъ онъ вполнѣ женѣ своей, Надеждѣ Осиповнѣ, которая имѣла, по счастью, умную, добрую и разсудительную помощницу, въ лицѣ матери своей Марьи Алексѣевны Ганнибалъ. Эта почтенная старушка была одарена рѣдкимъ здравымъ смысломъ, перенесла много несчастій, и простая сильная рѣчь ея восхищала вполнѣ въ время пребыванія внука ея въ Лицеѣ, даровитыхъ его

товарищей и особенно поэта Дельвига, читавшаго съ восторгомъ ея письма, изъ которыхъ не сохранилось ни одного, чтобы судить о слогѣ этой замѣчательной женщины. Она-то положила первое начало изученію русскаго языка ея знаменитымъ внукомъ: подъ ея руководствомъ выучился грамотѣ нашъ народный поэтъ, постигнувшій потомъ все таинства русскаго духа. Марья Алексѣевна жила въ родовомъ помѣстьѣ своего мужа, Осипа Абрамовича Ганнибалъ, въ селѣ Кобринѣ, Цсковской губерніи. Когда же единственная дочь ея, Надежда Осиповна Пушкина, переѣхала съ мужемъ изъ Петербурга въ Москву, то и она, поселилась съ нею. Продавъ Кобрино, купила на вырученныя деньги сельцо Захарьино или Захарово подъ Москвою. Александръ Сергѣевичъ особенно любилъ Захарово и воспѣлъ его въ звучныхъ стихахъ, бывши еще въ Лицеѣ:

Миѣ видится мое селенье,
Мое Захарово, оно
Съ заборами, въ рѣкѣ волнистой,
Съ мостомъ и рощею тѣнистой,
Зерцаломъ воль отражено.

На холмѣ домикъ мой; съ балкона

Могу сойти въ веселый садъ,
Гдѣ вмѣстѣ Флора и Помона
Цвѣты съ плодами мнѣ дарятъ,
Гдѣ старыхъ кленовъ темный рядъ,
Возносится до небосклона,
И глухо тополи шумятъ.

Въ Захаровѣ не было церкви, и жители были приписаны къ приходу богатаго села Вязёмы, приналежавшаго въ старину царю Борису Годунову, о чемъ знали и новѣйшіе обитатели села и часто упоминали о старинномъ помѣщикѣ, показывая пруды, при немъ вырытые, и колокольню, при немъ построенную. Живо и впечатлительному воображенію Александра Пушкина представлялось тутъ довольно пищи, фантазія его могла развернуться на просторѣ, и можно съ вѣроятностію предполагать, что тогда уже слагался въ душѣ его величественный образъ Бориса Годунова. Возмужавъ лѣтами и геніемъ, онъ облекъ свою мысль въ ту чудную форму, въ которой *«все гармонія, все диво»*, въ ту блестящую красотами трагедію, которую знаетъ каждый образованный русскій. Вотъ какъ сильно сказывались въ немъ впечатлѣнія дѣтства.

Мать поэта была замѣчательна въ свѣтскомъ кругу красотою, умомъ, ловкостію, любила жизнь разсѣянную, веселую, хотя не такъ страстно, какъ мужъ ея. Въ молодости Сергѣй Львовичъ наслѣдовалъ отъ своихъ родителей очень хорошее состояніе; но какое состояніе можетъ процвѣтать при такомъ образѣ жизни, какой вели супруги? Доходы уменьшались, имѣніе таяло, какъ вѣшній снѣгъ, и когда дѣти подросли, то имъ нечего быдо дѣлить, все было разорено, вслѣдствіе чего Александръ Сергѣевичъ обреченъ былъ вѣчно нуждаться въ деньгахъ. Въ перепискѣ съ отцомъ, братомъ, съ друзьями, всегда читаемъ одно и то же: всегда жалобы на безденежье и измышленіе, какъ достать денегъ. Хотя онъ получалъ за свои произведенія гораздо болѣе всѣхъ литераторовъ, прошедшихъ и настоящихъ, однако его издержки превосходили все, на что онъ могъ надѣяться. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ женитьбы своей на Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой, онъ хлопоталъ уже о залогѣ своего имѣнія въ ломбардъ и писалъ друзьямъ: «Холера прижала насъ; и въ Царскомъ Селѣ открылась дороговизна. Сидимъ здѣсь и безъ

экипажа и безъ пирожнаго, а деньги все уходятъ.»

Кредиторы постоянно его преслѣдовали.

Понятно, что безрасчетная, беззаботная жизнь родителей привила къ дѣтямъ такую же безрасчетность, и тутъ впечатлѣнія и воспоминанія дѣтства отзываются во всю жизнь.

Мать поэта, конечно, не была способна устроить дѣла своего мужа по имѣнію, но была способна оказывать нѣкоторое благотворное вліяніе на дѣтей.

Александръ Сергѣевичъ, хотя старшій изъ сыновей, не былъ любимцемъ своей матери. Надежда Осиповна, какъ всѣ красивыя и ловкія женщины, страстно желала, чтобы дѣти ея обладали красивой наружностію и хорошими манерами, но вотъ именно этихъ-то качествъ и недоставало Александру Пушкину. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ называлъ себя: *потомокъ негровъ безобразный*, да и въ дѣтствѣ не отличался миловидностію. Онъ былъ толстымъ, неповоротливымъ мальчикомъ, со многими странностями въ характерѣ, что приводило въ отчаяніе его красивую мамашу и заставляло ее прибѣгать къ выговорамъ, упрекамъ, принуж-

денію, приказанію быть поживѣе, играть, бѣгать со сверстниками, тогда какъ эти игры и бѣганье были пыткой для бѣднаго ребенка.

Выведенный изъ терпѣнія такими преслѣдованіями, маленькій Александръ спѣшилъ укрыться въ свое надежное убѣжище, въ комнату бабушки Марьи Алексѣевны, залѣзалъ въ корзину, стоявшую у ногъ старушки и сидѣлъ тамъ, въ твердой увѣренности, что его не возьмутъ изъ такого безопаснаго пріюта. Рассказываютъ, что, гуляя съ родными, онъ вдругъ отсталъ отъ нихъ, уѣлся въ пыли посреди улицы и сидѣлъ, пока не увидѣлъ смѣявшихся надъ нимъ людей. Тогда онъ всталъ, проговоривъ съ досадою: „ну что зубы скалите, чего нашли смѣшнаго?“

По тогдашнему обычаю, во всѣхъ модныхъ домахъ, дѣти съ семи-лѣтняго возраста поручались французамъ эмигрантамъ, которыхъ было много множество въ Россіи. Конечно Пушкины, говорившіе всегда по-французски, устроившіе свою жизнь на французскій ладъ, считали своей непремѣнной обязанностію поручить дѣтей иностранцамъ. Первымъ ихъ

наставникомъ былъ графъ Монфоръ, французъ, музыкантъ и живописецъ; потомъ Г. Русло, стихотворецъ; Г. Шиллеръ, нѣмецъ, преподавалъ русскій языкъ, а англичанка Миссъ Белли—англійскій. Изъ всего этого собранія былъ только одинъ дѣльный и полезный преподаватель, Александръ Ивановичъ Бѣликовъ, священникъ Маріинскаго Института, который занимался съ дѣтьми Закономъ Божіимъ, арифметикой и русскимъ языкомъ.

Маленькій Александръ оказался чрезвычайно тупымъ къ ученью. Уроки стоили ему горькихъ слезъ, арифметика вовсе не шла въ голову, да и языки, кромѣ французскаго, нисколько не прививались. Ни одинъ изъ гувернеровъ, ни музыкантъ, ни поэтъ, ни одна изъ гувернантокъ, ни англичанка, ни нѣмка не могли развить умственныхъ способностей своего лѣниваго ученика. Перемена къ лучшему произошла неожиданно на 9-мъ году его возраста. Онъ вдругъ пристрастился къ чтенію, началъ читать безъ разбора, безъ руководства, всѣ книги, какія находились въ библіотекѣ отца его, очень хорошо снабженной французскими классиками, сочиненіями философовъ

XVIII вѣка, между которыми Вольтеръ, Руссо и энциклопедисты занимали первое мѣсто.

Гувернеры постарались окончательнo внушить полнѣйшее презрѣніе ко всему русскому и благоговѣйное поклоненіе всему французскому въ незрѣлыхъ умахъ своихъ воспитанниковъ. Сперва апатичный мальчикъ потомъ развернулся, дни и ночи проводилъ за чтеніемъ, увлекаемый пылостію своей богато-одаренной природы, читалъ съ такимъ увлеченіемъ все, что попадалось подъ руку, что десяти лѣтъ отъ роду зналъ наизусть, по увѣренію его родныхъ всю французскую литературу, чему можно повѣрить, зная его необыкновенную память.

Такое непрерывное чтеніе внушило наконецъ талавтливому ребенку желаніе самому приняться за сочиненія, и первые опыты его были, конечно, на французскомъ языкѣ. Онъ началъ подражать тѣмъ писателямъ, которыхъ произведеніями увлекался въ данную минуту. Такъ, занявшись Лафонтеномъ, онъ началъ писать басни; читая Генріаду, сталъ обдумывать поему въ 6 пѣсняхъ, которая начиналась слѣдующими стихами:

Je chante ce combat, que Toly remporta,
Où maint guerrier périt, où Paul se signala
Nicolas Mathurin et la belle Nitanche,
Dont la main fut le prix d'une horrible escar-
mouche.

Это была шуточная поэма, въ которой разсказывалась война карликовъ и карлицъ при царѣ Дагоберѣ. Когда мальчикъ плѣнился Мольеромъ, то сталъ писать французскія комедіи, импровизировать разговоры въ драматической формѣ и вообще упражняться въ той гимнастикѣ воображенія, которая развивала болѣе и болѣе его блестящее дарованіе. Одну изъ его піесъ, названную *l'escamoteur*, составила маленькая сестра его и онъ быстро отвѣчалъ ей:

Dis-moi pourquoi *l'escamoteur*
Est-il sifflé par le parterre?
Hélas—c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière.

Эти немногіе выписки показываютъ уже талантъ несомнѣнный, выходящій изъ ряду, если вспомнить что автору было 9 и 10 лѣтъ отъ роду, но всѣ члены семейства оказывали большое недовѣріе къ способностямъ даровитаго мальчика и не предвидѣли въ немъ ничего

особеннаго. Ихъ постоянныя насмѣшки заставляли его страдать, стыдиться своего увлеченія, бросать въ огонь свои произведенія, и опять неудержимо предаваться стремленіямъ своего поэтическаго призванія.

Можетъ быть нашъ народный поэтъ остановился бы на подражаніяхъ французамъ, не попалъ бы на свою прямую дорогу, не сдѣлался бы тѣмъ самобытнымъ гениемъ, тѣмъ любимцемъ русскаго народа, тѣмъ предметомъ національной гордости, которому Гнѣдичъ даетъ такой сердечный совѣтъ, по прочтеніи поэмы: «Русланъ и Людмила» :

„Пушкинъ Протей,

Гибкимъ твоимъ языкомъ и богатствомъ твоихъ
пѣснопѣній,

Уши закрой отъ похвалъ и сравненій

Добрыхъ друзей!

Пой, какъ поешь ты, родной соловей:

Байрона геній, иль Гёте, Шекспира,

Геній ихъ неба, ихъ странъ:

Ты же, постигнувшій таинства русскаго духа и
міра,

Пой намъ по своему, Русскій Баянъ!

Небомъ роднымъ вдохновенный,

Будь на Руси нашъ пѣвецъ несравненный.“

Не былъ бы онъ нашимъ Баяномъ, нашимъ роднымъ соловьемъ, еслибы посреди всего этого французскаго міра не находилось существо, сильно притягивавшее его не только ко всему русскому, но ко всему чисто народному. Это существо было—няня его Ирина Родіоновна, которая качала колыбель своего питомца, распѣвая народныя пѣсни и забавляла его рассказывая старинныя сказки и былины.

Судьба хранить своихъ избранниковъ, и въ лицѣ этой простой русской женщины послала Пушкину Музу вдохновительницу, чтобы зажечь и поддерживать въ немъ священный огонь, который долженъ былъ пылать въ душѣ поэта, назначеннаго судьбою сдѣлаться поэтомъ народнымъ, единственнымъ, несравненнымъ.

И какъ высоко цѣнилъ ее, какъ любилъ ее прославленный ея питомецъ!

Вмѣстѣ съ письмами разныхъ знаменитостей того времени, сохранялъ онъ и письма няни, и вотъ одно изъ нихъ, писанное въ 1826 году:

Любезный мой другъ, Александръ Сергѣевичъ, я получила письмо и деньги, которые вы мнѣ прислали. За всеѣ ваши милости всеѣмъ сердцемъ благодарна, вы у меня на сердцѣ и

на умѣ и только, когда засну забуду васъ. Пріѣзжай, мой Ангелъ къ намъ въ Михайловское, всѣхъ лошадей на дорогу выставлю.

Я васъ буду ожидать и молить Бога, чтобы Онъ далъ намъ свидѣться. Прощай мой батюшка Александръ Сергѣевичъ. За ваше здоровье и просвиру вынула и молебень отслужила—поживи, дружечекъ хорошенько, — самому слюбится. Я слава Богу, здорова, цѣлую ваши ручки и остаюсь васъ многолюбящая няня ваша Арина Родионова.

Тригорское. Марта 6.

Нѣжное сердце поэта откликнулось на эти задушевные строки слѣдующимъ трогательнымъ стихотвореніемъ:

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь будто на часахъ,
И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
Глядишь въ забытые вороты
На черный, отдаленный путь:
Тоска, предчувствіе, заботы

Тѣснить твою всечасть грудь,
То чудится тебѣ.....

и т. д.

Воспоминаніе о двухъ-лѣтнемъ пребываніи въ селѣ Михайловскомъ, гдѣ старушка няня была его постоянной собесѣдницей, внушило ему превосходное къ ней обращеніе, полное самаго нѣжнаго чувства къ *своей старушкѣ*:

Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна,
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена.

*
* *

Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя, гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.

Гдѣ только коснется до его дряхлой голубки, вездѣ ярко выступаетъ глубокая чувствительность, внушенная не поэзіею, но любящимъ сердцемъ. Въ стихотвореніи: *Опять на родинѣ*, встрѣчаемъ уже воспоминаніе о старушкѣ, не дожившей до женидьбы своего питомца:

Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ

Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо —
И кажется вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.

Вотъ смиренный домикъ
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моею,
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
И утреннихъ ея дозоровъ.

Эта элегія писана въ 1835 году 26 сентября.
Когда жизнь поэта уже омрачилась печальными
предчувствіями, вскорѣ исполнившимися.

Онъ сдѣлалъ свою родную старушку участ-
ницей своей славы и тѣмъ отплатилъ за то,
что она сдѣлала его русскимъ, ослабила влія-
ніе французовъ, заставила полюбить русскую
старину, наполняя его мысль и воображеніе
картинами русской жизни, а его память мно-
жествомъ сказокъ, присказокъ, пословицъ, при-
баутокъ, которыми была пересыпана ея умная
и сильная простонародная рѣчь.

Промчались годы младенчества и геніаль-
ный мальчикъ вступилъ въ лѣта отрочества.

Родителямъ пришла пора заняться серьезно его дальнѣйшимъ образованіемъ, пришло и ему время выдти изъ-подъ вліянія французовъ, нѣмцевъ и англичанъ. Если онъ вынесъ какую нибудь пользу для ума изъ своего родительскаго дома, то эту пользу могли принести ему бесѣды знаменитыхъ писателей: Карамзина, Батюшкова, Жуковскаго и другихъ посѣщавшихъ отца его.

Мода предписывала въ то время всѣмъ своимъ поклонникамъ помѣщать дѣтей своихъ въ Іезуитскій Коллегіумъ въ Петербургѣ. Высшее русское дворянство считало за честь и за счастье ввѣрять Отцамъ Іезуитамъ умственное и нравственное развитіе юношей, назначенныхъ рожденіемъ занимать важнѣйшія должности въ государствѣ. Можно себѣ представить какимъ русскимъ человѣкомъ явился бы Пушкинъ перешедши изъ рукъ французовъ-эмигрантовъ въ руки французовъ-іезуитовъ, но и тутъ судьба бодрствовала надъ своимъ избраннымъ. Известный А. И. Тургеневъ, человѣкъ обширнаго ума и образованности, бывшій въ дружескихъ отношеніяхъ съ домомъ Пушкинымъ, сильно воспротивился такому намѣренію и съ

жаромъ уговаривалъ оставить мысль о Коллегіумѣ. Къ счастію Александра Сергѣевича, во время этихъ споровъ и колебаній былъ обнародованъ Высочайшій указъ объ открытіи новаго учебнаго заведенія въ Царскомъ Селѣ, въ 25 верстахъ отъ Петербурга. Новое училище названо Лицеумъ, и Василій Ѳеодоровичъ Малиновскій, короткій пріятель Пушкиныхъ, назначенъ директоромъ. Двѣнадцатилѣтній Александръ Пушкинъ, при содѣйствіи Малиновскаго и по ходатайству Тургенева, былъ записанъ въ число воспитанниковъ Лицея, число это не должно было превышать 30-ти. Выдержавъ пріемный экзаменъ, онъ поступилъ въ Лицей 12 августа 1811 года.

Это образцовое заведеніе было основано по мысли Императора Александра I и тогдашняго Министра Просвѣщенія, Графа Разумовскаго. Лекторами назначены были самые лучшіе профессора, имена которыхъ и до сихъ поръ извѣстны между учеными. Логику и нравственныя науки преподавалъ А. Куницынъ, географію, всеобщую и россійскую исторію—Кайдановъ, русскую и латинскую словесность—Кошанскій. Всѣ предметы, необходимыя для безукориз-

неннаго образованія, предполагалось проходить со всею возможною подробностію.

Устройство Лицея было превосходно. Каждый воспитанникъ имѣлъ свою комнату; богатая библіотека Лицея была всегда открыта ученикамъ, имъ позволяли свободно гулять по роскошнымъ Царскосельскимъ садамъ, а по праздникамъ посѣщать знакомыхъ. Для пристрастнаго за нравственностію былъ выбранъ почтенный педагогъ, болѣе тридцати лѣтъ занимавшійся воспитаніемъ.

Въ постановленіи о Лицеѣ говорилось, что цѣлью его будетъ образцовое образованіе юношества, особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ государственной службы.

Открытіе Лицея послѣдовало 19 октября 1811 года, день который, никогда не забывалъ Пушкинъ и для котораго написалъ превосходныя, самыя прочувствованныя стихотворенія. Вотъ какъ онъ напоминаетъ товарищамъ о самомъ днѣ открытія:

Вы помните-ль, когда возникъ Лицей
И Царь открылъ для насъ чертогъ Царицынъ,
И мы вошли—и встрѣтилъ насъ Куніцынъ,
Привѣтствіемъ средь царственныхъ гостей.

Императоръ Александръ принималъ большое участіе въ дѣлѣ пропвѣтанія новаго заведенія, и преподаваніе началось на самыхъ разумныхъ началахъ. Лицейскій отчетъ за 1812 годъ заключалъ въ себѣ слѣдующее: «Главнымъ занятіемъ въ первое полугодіе были иностранные языки, преподаваніе же наукъ: Закона Божія, логики, нравственности, исторіи, географіи и математики ограничивались только главными началами. Во 2-мъ полугодіи чтеніе образцовъ изъ русскихъ писателей не ограничивалось только грамматическими объясненіями, но сопровождается было нѣкоторыми логическими и легкими эстетическими замѣчаніями, дабы вкусъ воспитанниковъ еще вѣрнѣе руководствуемъ былъ къ простому, естественному и изящному слову. Все пышное, высокопарное, школьное совершенно удаляемо было отъ ихъ понятія и слуха. Науки нравственныя, математическія и историческія, утверждаясь уже на первыхъ началахъ, постепенно расширяли кругъ свой. Каждое понятіе, каждая новая мысль представляема была воспитанникамъ въ такомъ видѣ, что возбуждала ихъ любопытство и размышленіе и казалась для нихъ пріятнымъ приобрѣте-

ніемъ. Постепенность математическихъ наукъ сопровождалась простымъ, яснымъ показаніемъ и руководствовала разумъ воспитанниковъ такъ, что онъ самъ научался постигать истину и познавать силу доказательствъ“. Отъ 19 октября 1812 года, Отчетъ Конференціи Лицея.

Двѣнадцатилѣтній Пушкинъ вдругъ почувствовалъ себя въ той сферѣ, которая была нужна для развитія его душевныхъ силъ.

Особенно любящая его способность нашла себѣ въ Лицеѣ полное примѣненіе. Какъ будто спали съ него оковы, которыми онъ былъ спутанъ. Живость ума, откровенность, способность къ пылкой товарищеской привязанности, свободный полетъ фантазіи—все закипѣло въ живомъ, впечатлительномъ мальчикѣ.

Неуклюжесть и неповоротливость исчезли, и его наставники должны были скорѣе жаловаться на его излишнюю пылкость и неусидчивость. По счастью для него, по счастью для Россіи, въ кружкѣ лицеистовъ господствовала особенная любовь къ литературѣ, и никѣмъ не стѣсняемая разрасталась болѣе и болѣе.

Они стали издавать рукописные Журналы;

напримѣръ: *Лицейскій мудрецъ, Для удовольствія и пользы, Неопытное перо, Пловцы.*

Пушкинъ и его товарищи участвовали въ этихъ изданіяхъ, къ сожалѣнію не сохранившихся. Было бы очень любопытно видѣть первое проявленіе ихъ молодыхъ дарованій, на зарѣ ихъ жизни. Кромѣ того воспитанники изобрѣли игру, которую можно было назвать гимнастической воображенія, способную развить въ высокой степени даръ вымысла. Одинъ изъ товарищей начиналъ импровизованный рассказъ, другой его продолжалъ, и такимъ образомъ каждый вносилъ свою дань въ эту игру воображенія. Какъ интересно было слушать столькихъ даровитыхъ юношей, изъ которыхъ многіе сдѣлались прославленными сочинителями, въ то время еще незнакомыхъ съ жизнію, всѣмъ сердцемъ преданныхъ своимъ идеаламъ.

Такъ-то началась та дружеская, неизмѣнная привязанность между ними и та любовь къ мѣсту своего воспитанія, которая продолжалась во всю ихъ жизнь. Дельвицъ, дня черезъ два послѣ выпуска, писалъ:

Не мило мнѣ на новосельѣ
Здѣсь все увяло, тамъ цвѣло,
Одно и есть мое веселье
Увидѣть Царское Село.

При бойкихъ способностяхъ Пушкина, при такихъ обширныхъ средствахъ къ ихъ развитію, при такой разумной свободѣ, данной для приобрѣтенія знаній, каждый можетъ со всею вѣроятностію предположить, что онъ весь предался наукамъ и сдѣлался однимъ изъ первыхъ учениковъ. Къ удивленію, на дѣлѣ оказалось противное. Кромѣ успѣховъ въ русской словесности, онъ не радовалъ своихъ профессоровъ ничѣмъ другимъ. По географіи, всеобщей и русской исторіи, онъ былъ аттестованъ профессоромъ Кайдановымъ такъ: «при маломъ прилежаніи, оказываетъ очень хорошіе успѣхи, сіе должно приписать однимъ только прекраснымъ его дарованіямъ; въ поведеніи: рѣзвъ, но менѣе противъ прежняго». Куницынъ далъ слѣдующія отмѣтки: «весьма понятень, замысловать и остроумень, но крайне непрілеженъ. Онъ способенъ только къ такимъ предметамъ, которые требуютъ малаго напряженія, и потому успѣхи его очень не велики, особливо по части Логики».

Изученіе иностранныхъ языковъ шло тоже очень плохо, исключая французскаго, который былъ знакомъ ему съ колыбели. Напрасно

другъ его Дельвигъ старался возбудить въ немъ желаніе узнать нѣмецкихъ классиковъ: Пушкинъ начиналъ, и при самомъ началѣ остав- лялъ. Французскіе стихи продолжалъ онъ пи- сать уже въ Лицеѣ, не смотря на то, что то- варищи дали ему въ насмѣшку названіе *фран- цуза*. Эта насмѣшка выводила задорнаго маль- чика изъ терпѣнія, и онъ мстилъ преслѣдова- ніями и остроумными эпитафиями своимъ со- перникамъ, и часто его месть доводила ихъ до ребяческаго отчаянія.

Въ Царскомъ селѣ, въ домѣ знакомыхъ Пушкина, были литературные вечера, предла- гались темы для состязаній въ стихотворствѣ. Сохранились куплеты Александра Сергѣевича на одну изъ такихъ темъ называвшеюся *Jus- qu'au plaisir de nous revoir*.

Couplets.

Quand un poete en son extase
Nous lit son ode ou son bouquet,
Quand un conteur traine sa phrase,
Quand on écoute un perroquet, —
Ne trouvant pas le mot pour rire,
On dort, on baille en son mouchoir,
On attend le moment de dire:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Когда онъ принялся, наконецъ, и за русскіе стихи, то профессоръ русской словесности, Кошанскій, старался отвратить его отъ авторства, и, только убѣдившись въ его несомнѣнномъ дарованіи, сталъ съ жаромъ заниматься съ своимъ талантливымъ питомцемъ. И тутъ разсѣянность ученика препятствовала успѣхамъ. Кажется, и родители поэта и самъ онъ дѣлали, хотя и безсознательно, все возможное, чтобы погасить въ немъ огонь гениальности, зажженный при самомъ рожденіи. Природа показала, что невозможно противиться ея назначенію. Ложный талантъ, который поддерживаетъ мода, проблеститъ, какъ метеоръ, и угаснетъ, но талантъ, данный природою, будетъ разгораться болѣе и болѣе, несмотря на всѣ препятствія. Первымъ дошедшимъ до насъ русскимъ стихотвореніемъ, писаннымъ въ Лицеѣ, было: *Посланіе къ сестрѣ*. За нимъ слѣдовали другія, которыя стали появляться въ разныхъ журналахъ, и доставили Пушкину славу поэта въ тѣ годы, когда другіе еще учатъ синтаксисъ.

Публичный экзамень 1815 года былъ осчастливленъ присутствіемъ маститаго пѣвца Ека-

терины II, знаменитаго Державина, и 15-ти лѣтній Пушкинъ долженъ былъ прочесть передъ нимъ свое произведеніе: *Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ*. Можно себѣ представить, съ какимъ увлеченіемъ читалъ юный, начинающій поэтъ передъ поэтомъ, уже покрытымъ славою, уже изнемогающимъ подъ лаврами и сходящимъ въ могилу.

Передъ чтеніемъ, утомленный старецъ дремалъ, но при первыхъ уже стихахъ оживился, его удовольствіе и удивленіе возрастало, и наконецъ онъ воскликнулъ: „Теперь я могу умереть, вотъ кто меня замѣнитъ!“

Эту трогательную сцену воспоминалъ Пушкинъ, когда, обращаясь къ Музѣ, говорилъ:

Поэтъ Державинъ насъ замѣтилъ

И, въ гробъ сходя, благословилъ.

Потрясенный до глубины души, молодой поэтъ, по окончаніи чтенія, убѣжалъ изъ залы собранія, и напрасно искали его, чтобы представить Державину, который желалъ обнять и поздравить своего юнаго преемника.

Послѣ экзамена, Министръ Народнаго Просвѣщенія сдѣлалъ парадный обѣдъ; въ числѣ гостей находился и отецъ Александра Сергѣе-

вича Пушкина. За столомъ Графъ Разумовскій, обратясь къ нему, сказалъ: „Я бы желалъ образовать сына вашего къ прозѣ“, но Державинъ возразилъ съ жаромъ: „Оставьте его поэтомъ“!

Во всю жизнь свою чувствовалъ Пушкинъ недостаточность своихъ познаній, говорилъ о томъ съ горестью и стыдомъ, и старался, уже въ совершенныхъ лѣтахъ пополнить недостатокъ своего образованія. Много пришлось ему трудиться и достигать самому до того, что такъ легко могъ бы онъ усвоить съ помощью искусныхъ и опытныхъ профессоровъ. Конечно онъ раскаявался, что такъ худо воспользовался благодѣянiями Лицея...

Несмотря на его поэтическiй генiй, ничего нельзя было творить, не имѣя хорошихъ познаній. Надобно было прочесть въ подлинникѣ всѣ лучшiя произведенiя англiйскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ, ознакомиться съ богатой литературой этихъ двухъ нацiй: и вотъ Пушкинъ долженъ былъ заниматься изученiемъ англiйскаго и нѣмецкаго языковъ. Много нужно труда, чтобы понимать стихотворныя произведенiя на языкѣ, не коротко знакомомъ, но

надобно думать, что онъ преодолѣлъ эту трудность. Исторія также требовала глубокаго изученія, и сю занимался онъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ.

Выпускъ воспитанниковъ происходилъ, вмѣсто 19 октября, 9 июня 1817 года. На публичномъ экзаменѣ Пушкинъ прочиталъ свое стихотвореніе: „Безвѣріе“. Журналы тогдашняго времени умилительно описывали торжество перваго выпуска лицействова.

Государь Императоръ удостоилъ торжественный актъ Своимъ присутствіемъ; всѣ выходящіе воспитанники были Ему представлены и Онъ обратилъ къ нимъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ о ихъ будущихъ обязанностяхъ къ Государю и Отечеству и увѣщевалъ быть всегда достойными сынами Россіи.

Всѣмъ воспитанникамъ объявилъ Государь Свои милости: до полученія штатнаго мѣста каждый награждался жалованьемъ, смотря по разряду. Вышедшіе съ чиномъ 9-го класса получили 800 р., получившіе 10-й классъ 700 р. Начальники и профессора были щедро награждены. Изъ 30-ти воспитанниковъ, Пушкинъ былъ 19-мъ по выпуску, вышелъ во 2-мъ

разрядѣ и 13-го іюня 1817 года опредѣленъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, съ чиномъ коллежскаго секретаря, совершенно противъ своего желанія и покоряясь только необходимости. Лучшею мечтой его было сдѣлаться гусаромъ. Въ гусарскомъ полку онъ имѣлъ много друзей и почитателей, но, вѣроятно, блескъ мундира привлекалъ всего болѣе 17-ти лѣтняго юношу. Несмотря на все его просьбы, отецъ отказалъ, отговариваясь недостаткомъ средствъ, и позволялъ только служить въ одномъ изъ пѣхотныхъ гвардейскихъ полковъ.

Пушкинъ былъ крѣпкаго, мускулистаго сложенія, отличался во всехъ упражненіяхъ, способныхъ развить гибкость членовъ и укрѣпить силы. Былъ неутомимый ходокъ пѣшкомъ, страстный охотникъ до верховой ѣзды, плаванья, купанья, и былъ первымъ ученикомъ въ классѣ фехтованья.

Такъ какъ выпускъ изъ Лицея происходилъ въ іюнѣ, то онъ пожелалъ насладиться удовольствіями сельской жизни и тотчасъ же отправился въ Михайловское, деревню въ 80 душъ, въ Псковской губерніи. Тамъ былъ бар-

скій домъ и красивый садъ. Уцѣлѣлъ клочекъ его записокъ о томъ времени: Вышедъ изъ Лицея, я тотчасъ почти уѣхалъ въ псковскую деревню моей матери. Помню какъ обрадовался я сельской жизни, русской банѣ, клубникѣ и проч., но все это нравилось мнѣ не долго. Я любилъ и донынѣ люблю шумъ и толпу. 1824 года, ноября 19, Михайловское. Зимой Пушкинъ предался шуму и волненію большаго свѣта, прошли дни дѣтскихъ чувствъ, дѣтской невинности, и пришла пора мятежной юности. Изъ его лицейскихъ стихотвореній извѣстны: 1) „Къ другу стихотворцу“, 2) „Кольца“, 3) „Венерѣ отъ Лайсы при посвященіи ей зеркала“, 4) „Опытность“, 5) „Блаженство“. Эти стихотворенія напечатаны въ *Вѣстникъ Европы* въ 1814 г. Въ томъ же году написаны: „Пирующіе друзья“, „Путешественнику“, „Подъ вечеръ осенью ненастной“, „Послание къ Батюшкову“. Замѣчательнѣе всѣхъ другихъ: „Наполеонъ на Эльбѣ“, „На возвращеніе Императора Александра изъ Парижа“, „Гробница Анакреона, Пѣвецъ, Къ ней, Послание къ Лидѣ, Пробужденіе, Романсъ, Желаніе, Фавнъ и Пастушка, Заздравный Ку-

бокъ, къ Живописцу, Друзьямъ, Амуръ и Гименей, Роза, Дельвигу“ и множество другихъ піесъ, изъ которыхъ Пушкинъ безжалостно уничтожалъ все, что ему казалось недостойно его пера, называя эти стихи грѣхами отрочества. Пушкинъ до 1819 года довольствовался подражаніями и попытками, въ которыхъ уже сверкали искры самобытнаго дарованія. Замѣчаютъ, что съ этого года его творческій геній вступилъ на свою самостоятельную дорогу, занялъ свое мѣсто и заблесталъ звѣздою первой величины. Странно, что онъ, который превосходилъ всѣхъ другихъ писателей во всѣхъ родахъ поэзіи, долго не признавалъ вовсе достоинства бѣлыхъ стиховъ и не хотѣлъ считать ихъ за поэзію.

Когда вышло превосходное стихотвореніе Жуковскаго *Тлѣнность*, начинающееся словами:

„Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,
Приходитъ въ мысль: что если тожь случится
И съ нашей хижинкой?“

У Пушкина тотчасъ явилась пародія:

„Послушай дѣдушка, мнѣ каждый разъ

Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,
Приходитъ въ мысль: что если это проза,
Да и дурная?“

Жуковскій смѣясь предрекъ ему совершенную перемѣну въ сужденіи о бѣлыхъ стихахъ. Исполнились слова его, и Пушкинъ истинно вдохновенной, величественной піесой, подъ названіемъ *Трудъ*, показалъ, до какого величія, до какой глубины чувства можно довести бѣлый стихъ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ былъ средняго роста, худощавый. Въ дѣтствѣ курчавые волосы его были бѣлокуры, но потомъ перешли въ темнорусые; глаза свѣтлоголубые, лице умное, пріятное, носило отпечатокъ африканскаго происхожденія, онъ любилъ носить длинные бакенбарды и длинные ногти. Онъ былъ любезень, остроумень, весель и считался душею общества.

Къ сожалѣнію, пылкость его африканской крови дѣлала его раздражительнымъ, въ высшей степени способнымъ къ увеличеніямъ; самообладанія же приобрѣтено не было, и все

это вмѣстѣ дѣлало его игралищемъ страстей. Жизнь, которая могла бы сдѣлаться блестящей, счастливой, была испорчена имъ самимъ. Собственными руками разбилъ онъ свое счастье: едва окончивъ школьное ученье, уже сдѣлался скитальцемъ и нашелъ свой безвременный конецъ. Сердце его было превосходно: доброе, нѣжное сострадательное, привлекавшее къ нему сердца всѣхъ его знавшихъ; но увлеченіе минуты было такъ сильно, что онъ поддавался первому порыву, не думая, что рискуетъ спокойствіемъ и счастьемъ всей будущности. Привязанности его были прочны. Онъ любилъ до конца жизни тѣхъ, которыхъ полюбилъ въ юности. Ни одинъ воспитанникъ Лицея не относился такъ горячо къ мѣсту своего воспитанія, и всѣ стихотворенія его на 19-е октября отличались нѣжностію и самымъ живымъ глубокимъ чувствомъ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ

ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

- Русскіе Великіе Князья**, съ 23 портретами. М. 1880 г. и. 25 к.
- Князь Серебряный**. Повѣсть для народнаго чтенія, переделана изъ романа гр. Толстаго *Трескинымъ* Одобрен. Ученымъ Комит. Минист. Народн. просв. для чтенія и библиот. народ. школъ и высшихъ классовъ всѣхъ учебныхъ заведеній. М. 1879 г. ц. 40 коп.
- Океаны**. Изд. Одобр. Учен. Комит. Минист. Народн. Просв. М. 1880 г. ц. 15 к.
- Какъ питается человекъ**. Разказы изъ Естественной исторіи. Изд. 3-е. Одобрен. Учен. Ком. Мин. Народ. Просв. М. 1879 г. ц. 10 коп.
- Дѣлатели золота**. Повѣсть Цюковс. Изд. 4-е. Одоб. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. М. 1879 г. и. 25 к.
- Благочестивыя мысли и наставленія**. Изд. 3-е. Одобр. Учен. Комит. Мин. Нар. Пр. М. 1879 г. ц. 10 к.
- Маленькій лѣнтяй**. Изд. 2-е съ 10 рис. и. 2 к.
- Не стыдись насмѣшекъ**. Изд. 2-е съ 5 рис. и. 3 к.
- Два гнѣзда**. Изд. 2-е съ 3 рис. ц. 3 к.
- Испанская собака**. и. 2 к.
- Князь Яковъ Федоровичъ Долгоруковъ**. Изд. 2-е. ц. 40 к.
- Подарокъ за прилежаніе и успѣхи** ц. 25 к., въ красной папкѣ, и. 50 к.
- Общедоступное чтеніе во время говѣнія**. Ц. 15 к.
- Краткій очеркъ перваго 25 лѣтія царствованія Государя Императора Александра II**. Цѣна 10 коп.
- Начальное чтеніе съ множествомъ картинокъ**. Ц. 30 к.
- Званый вечеръ у Мими**. Съ 4 хромолитографированными картинками и. 35 к.
- Мыльные пузыри**, ц. 20 к.
- Петръ Великій**. Изд. 3-е ц. 5 к.
- Какъ живетъ растеніе**. Изд. 3-е, ц. 15 к.
- Избраніе въ Цари Михаила Федоровича Романова**, ц. 15 к.
- Басни Эзопа**, съ 50-ю картинками, ц. 80 к.